

ОТКРЫТЫЕ ГРАНИЦЫ ЕС В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН ЕВРОСОЮЗА

Е.В. Хахалкина, К.П. Андреев, Г.В. Groшева, И.А. Кочев

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томский государственный педагогический университет

Ограничения на внутренних границах и ужесточение режима пересечения внешних границ в ряде государств Европейского союза, введённые в период острой фазы миграционного кризиса в 2014–2015 гг., поставили вопрос о будущем границ Евросоюза. Изначально именно свобода передвижения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы считалась одной из принципиальных задач интеграционного объединения и создания наднациональных структур. Между тем нерешённость сложного комплекса миграционных вопросов и рост в отдельных странах ЕС евроскептических настроений пошатнули приверженность населения европейскому проекту и вызывают недоверие к свободе границ, которую связывают с нежелательным потоком мигрантов и усилением криминально-террористической угрозы.

Авторы статьи поставили целью оценить состояние и угрозы открытым границам ЕС через анализ замеров общеевропейской идентичности, один из элементов которой включает отношение населения к принципу мобильности и свободе границ, в её взаимосвязи с национальным самосознанием на примере разных стран Евросоюза, как последовательно поддерживающих, так и подвергающих критике существующую наднациональную модель.

В первой части статьи анализируются причины возросшей актуализации фактора границ ЕС и его взаимосвязь с задачами укрепления солидарности и доверия к Евросоюзу посредством преодоления кризиса общеевропейской идентичности; во второй части статьи ретроспективно представлен процесс становления общеевропейского самосознания, отражение этого понятия в основополагающих документах ЕС и его соотношение с национальной идентичностью; в третьей части показана взаимосвязь проблемы границ с миграционным фактором; четвёртая и

УДК 316.34

Поступила в редакцию 15.01.2018 г.

Принята к публикации 30.03.2018 г.

пятая части работы представляют собой, соответственно, кейсы стран Евросоюза, выступающих за европейскую идентичность, и стран, занимающих евроскептическую позицию в контексте факторов миграции и границ. В заключительном разделе на основе проведенного исследования сделаны выводы о значимости для ЕС «открытых границ» в средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: границы, Европейский союз, национальная идентичность, общеевропейская идентичность, Великобритания, Германия, Франция, Австрия, Польша, Венгрия, Швеция.

В современных дискуссиях отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся изучением Европейского союза, важное место отводится оценке будущего этого объединения как некоей универсальной интеграционной модели, с которой брали пример другие страны в надежде повторить и, возможно, даже превзойти её уникальный опыт. Время показало, что Евросоюз если и не перестал быть примером для подражания, то накопил настолько значительный багаж внутренних и внешних противоречий, что для решения отдельных проблем требуется осмыслить весь пройденный путь, начиная с первых шагов в сфере интеграции в 1950-е гг.

К рефлексии побуждает объективное состояние дел в Евросоюзе. В сентябре 2017 г. глава Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер выступил в Европарламенте с ежегодным посланием¹, вызвавшим широкий отклик среди политиков и экспертов по всему миру. Председатель Еврокомиссии привёл данные, свидетельствующие о том, что ЕС вышел из кризиса и находится в благоприятной фазе развития: экономика еврозоны выросла на 2,2%, на девятилетнем минимуме зафиксирована безработица, создано почти 8 млн рабочих мест, общая занятость выше, чем когда-либо прежде – 235 млн чел. Все эти аргументы позволили Ж.-К. Юнкеру заявить о том, что «ветер подул в паруса Европы» и «настало время строить ... Европу на 2025 год». Ж.-К. Юнкер не стал игнорировать и сложности: нельзя сбрасывать со счетов Брекзит, не решён комплекс миграционных вопросов (не сводящихся только к проблеме беженцев), нужно повышать уровень доверия к ЕС. Глава Еврокомиссии признал, что «миграция должна оставаться на нашем радаре», но высоко оценил уже сделанное в этой сфере. Он особо подчеркнул, что «Европа ... не является крепостью и не должна становиться ею. Европа ... должна оставаться континентом солидарности, в котором те, кто скрывается от преследования, могут найти убежище. Эти три принципа – свобода, равенство и верховенство закона – должны оставаться основами, на которых мы строим единый, более сильный и демократический Союз».

¹ President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address. 2017. Brussels, 13 September. [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm (дата обращения: 22.01.2017).

Красной нитью через выступление председателя Европейской комиссии прошла мысль о том, что для окончательного преодоления трудностей от участников ЕС требуется проявить солидарность и единство. В этом контексте был поставлен вопрос о границах: в условиях миграционного кризиса Евросоюз оказался перед нелегкой дилеммой – как сохранить открытость внутренних границ и в то же время укрепить защиту внешних границ от нежелательных миграционных элементов. Для разрешения этой дилеммы Ж.-К. Юнкер предложил немедленно открыть Шенгенскую зону для Болгарии и Румынии, а позже и для Хорватии, «как только она выполнит все критерии».

Напомним, что Шенгенскую конвенцию, включающую отмену пограничного контроля, на сегодняшний день подписали 26 стран, из которых 22 – члены ЕС. Созданный механизм предполагает отмену контроля на границах между государствами, подписавшими соглашение. В 1997 г. в рамках Амстердамского договора установленный режим был дополнен введением в качестве приоритетной задачи «общего пространства свободы, безопасности и правосудия». В 2016 г. в связи с массовым наплывом беженцев контроль на границах ужесточили Австрия, Германия, Дания, Швеция, Франция и Норвегия. Ряд восточно-европейских стран возвели заграждения вдоль границ.

Теперь, в условиях заметного спада численности беженцев, председатель Еврокомиссии предлагает «отыграть» ситуацию назад и вновь пойти по пути расширения «открытых границ». При этом на повестке дня остаются прежние задачи: интеграция проживающих на территории Евросоюза иностранцев, повышение эффективности созданной в 2015 г. системы квот на распределение беженцев, а также защита внутренних и особенно внешних границ ЕС. С этой точки зрения, как представляется, послание Ж.-К. Юнкера выглядит неоправданно оптимистичным. Следует учитывать атмосферу неопределённости, существующую вокруг выхода Британии из Евросоюза, и чрезвычайную «подвижность» общей ситуации в Евросоюзе. Об этом прямо и косвенно свидетельствуют замеры разных уровней коллективной идентичности (национальной и общеевропейской) в странах Евросоюза, позволяющие оценить общее «здоровье» Союза – степень доверия населения к его деятельности, состояние дел в миграционной и других сферах.

Идентичность и её «общеевропейское» и «национальное» измерения

Категория идентичности при всех различиях в её трактовках и значениях представляет собой «мимолётный», динамичный конструкт и носит множественный характер, включая национальную, этническую, региональную и другие составляющие. Большинство исследователей солидарны в том, что искусственно создать идентичность – сложная и подчас невыполнимая задача, требующая немалых усилий и большой осторожности. Всё, что связано с самосознанием человека, ощущением его сопричастности к кому-то или чему-то,

также с трудом поддаётся измерению с вычлениением в этой категории устойчивых и динамичных элементов.

Попытки укрепления коллективного самосознания на уровне ЕС в условиях глобализации в ряде европейских стран вызывают обратную реакцию, а именно – усиление центробежных тенденций. Сама наднациональная модель интеграции несла в себе потенциальные угрозы государствам – участникам Европейских сообществ. Свобода передвижения лиц, видевшаяся в начале 1950-х гг. как цель и идеал развития европейских сообществ, стала в 2000-е гг. не только предметом гордости и извлечения выгод, но и вызовом с точки зрения наплыва мигрантов и размывания национальной идентичности.

Термин «общиеевропейская идентичность» появился в начале 1970-х гг. и стал олицетворением усилий, предпринимаемых странами Европейских сообществ по созданию с целью углубления интеграции единой идейно-философской основы. В декабре 1973 г. девять государств поставили свои подписи под Декларацией европейской идентичности (далее Декларация), ставшей знаковым документом на пути создания Единой Европы. Ни в одном из прежних текстов Сообществ не говорилось об общееевропейском самосознании. Создание наднациональных Сообществ было обозначено в Декларации как «базовая потребность Европы», гарантирующая выживание европейской цивилизации. Государства-участники брали на себя обязательства уважать и защищать принципы представительной демократии, верховенство закона, социальную справедливость как конечную цель экономического прогресса, и гражданские права – то есть всё то, что представляет собой ключевые элементы европейской идентичности.

К 1974 г. категория «европейская идентичность» стала ключевой во французском политическом дискурсе. Тем самым в середине 1970-х гг. было положено начало продолжающихся до сих пор дебатов о сущности понятия «Европа», факторах формирования и укрепления европейского самосознания. Время показало, что воплотить в реальности прописанную на бумаге общую идентичность непросто, и в течение длительного времени документов, подобных Декларации 1973 г., выработано не было. Такое положение дел объяснялось как отголосками нефтяного кризиса начала 1970-х гг., так и трудностями расширения и углубления интеграции.

Упоминание общееевропейского самосознания появилось вновь лишь в Маастрихтском договоре 1992 г. В его разделе, посвящённом Общей внешней политике и политике безопасности, говорилось о необходимости «усиления европейской идентичности». В Амстердамский договор 1997 г. был добавлен параграф об уважении Союзом «национальной самобытности своих государств-членов»², что отражало непростую ситуацию с выработкой идентичности ЕС в

² Амстердамский договор, изменяющий договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты. М., 1999. 191 с. С. 16.

свете расширения Евросоюза на Восток и процессов глобализации. К тому времени сложилось понимание, что попытки сформировать общее самосознание наталкиваются в ряде случаев на сопротивление населения, идентифицирующего себя прежде всего или только со своим национальным государством. Поэтому категория «европейская идентичность» фигурировала в документах ЕС лишь от случая к случаю.

Следующим этапом на пути складывания общеевропейского самосознания стала выработка Конституции Европейского союза, формулировки которой должны были отразить достижения стран-участниц. В проект Договора из Декларации 1973 г. были введены выраженные в принятом накануне девизе «единство в многообразии» понятия о цивилизационном единстве и культурном разнообразии европейских государств. Эти положения до сих пор сохраняют свою актуальность как центральная тема общественно-политического и научного дискурса Евросоюза.

Весной 2005 г. судьба проекта Основного закона оказалась в руках населения стран Евросоюза. В конце мая на референдуме во Франции проект Евроконституции был отклонён. В начале июня аналогичная судьба постигла законопроект в Нидерландах. Этим результатам предшествовала рекордно низкая явка избирателей на выборах в Европарламент в 2004 г., что свидетельствовало о резком спаде интереса населения ЕС к институтам и деятельности организации. Итоги референдумов показали, что не следует недооценивать роль национальной идентичности и национальных государств в осуществлении «проекта европейской интеграции».

В Лиссабонском договоре 2007 г., который заменил провалившийся проект Евроконституции, было подтверждено и расширено положение об уважении национальных идентичностей. Статья 4 в пункте 2 предусматривала соблюдение Союзом равенства стран-участников перед Договорами, уважение «национальной индивидуальности государств-членов, присущую их основополагающим политическим и конституционным структурам, в том числе в области местного и регионального самоуправления»³.

Такое двойственное положение дел, когда значимость национального самосознания не отрицается, но при этом осторожно ставится задача формирования и укрепления общеевропейской идентичности, закономерно. В отдельных странах ЕС национальная идентичность выступает не как компонента, а как противовес общему европейскому самосознанию. Речь идёт о таких евроскептиках ЕС как Британия, Греция, некоторые страны ЦВЕ. И, наоборот, в Германии, Франции национальная идентичность выступает как база общеевропейской идентичности, хотя даже в случае этих государств ситуация носит подвижный характер.

³ Договор о Европейском союзе (в редакции Лиссабонского договора). [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 27.01.2018).

Взаимосвязь проблем границ и миграции

В настоящее время проблема укрепления общеевропейского самосознания напрямую связана с фактором границ и положением дел в миграционной сфере. Соппротивление национальных государств попыткам Еврокомиссии «привить» общую «наднациональную» идентичность во многом объясняется срабатыванием инстинкта самосохранения – естественной реакции защиты «своего» против «чужого» из опасений размывания национального самосознания на фоне увеличения количества иммигрантов, угроз безопасности и всё большего переноса полномочий государств на уровень ЕС.

В Европейском союзе сложились две большие группы стран, которые с некоторой долей условности можно разделить на тех, кто последовательно поддерживает проект под названием «Европейский союз», и тех, кто выступает с позиции евроскептиков. В первую группу стран правомерно включить ФРГ, Австрию, Швецию и некоторые страны ЦВЕ, во вторую – Великобританию и южные страны Европы.

Однако если в исследовательских целях задать в качестве переменной фактор открытых границ, мы увидим другую картину: Великобритания и страны ЦВЕ выступают против единой миграционной политики ЕС, тогда как ФРГ, Австрия, Швеция и другие страны продолжают продвигать эту идеологию как базовый принцип общеевропейской идентичности.

Попробуем на примере указанных стран ЕС выявить корреляцию фактора границ и проблемы идентичности в её национальном и общеевропейском разрезе. Для этого обратимся к анализу материалов Евробарометра – самой крупной в ЕС социологической службы, которая с начала 1970-х гг. систематически проводит опросы населения под эгидой Европейской комиссии, а также материалам правительственных организаций отдельных стран и неправительственных агентств. Эти документы наравне с использованием новейшей литературы позволяют провести верификацию разных данных, углубленно исследовать рассматриваемые сюжеты и сделать выводы по ключевым направлениям исследования.

Кейсы стран, выступающих за общую европейскую идентичность в контексте факторов миграции и границ

Германия считается страной, идентичность которой носит позитивный характер, проявляющийся в предпочтении ценностей собственной национальной общности и, одновременно, высоком уровне толерантности и готовности к активным международным контактам, что в значительной мере соотносится с идеологией Европейского союза.

С исторической точки зрения, с середины XX в. формирование немецкой нации проходило в два этапа: 1945–1990-е гг. и 1990–2010-е гг.

На *первом этапе*, от окончания Второй мировой войны до объединения Германии, изменения происходили под влиянием проблем денацификации, «коллективной вины» за преступления национал-социализма и раздела нации политической границей. В ГДР нацизм был объявлен порождением капиталистической системы, преемственность с опытом германского государства отрицалась, началось строительство «немецкой социалистической нации». В ФРГ 1945 г. стали рассматривать как «год ноль», от которого руководство страны посчитало возможным вести отсчёт новой истории страны. Становление самосознания западных немцев происходило под влиянием активных процессов западноевропейской интеграции, в которых ФРГ с самого начала играла ключевую роль.

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование послевоенной идентичности западных немцев, стали научные и политические дискуссии вокруг концепта немецкой нации и её недавнего исторического прошлого [6, с. 60–62; 8], завершающим этапом которых считается разгоревшийся в 1986–1987 гг. «спор историков». Группа консервативных историков во главе с Э. Нольте призывала к идентификации с национальной, а не европейской историей, к историзации⁴ периода Третьего рейха и «нормализации» немецкой национальной идентичности. Противоположную позицию занимали Ю. Хабермас и его сторонники, по мнению которых именно перемещение осознания Катастрофы в центр коллективной идентификации немцев послужило демократизации западногерманской политической культуры и способствовало формированию в стране открытого современного общества. Ю. Хабермас разработал концепцию «конституционного патриотизма» [13, с. 87–88], подразумевающую формирование постнациональной модели идентичности, основанной не на этнокультурных и исторических факторах, а на универсалистских принципах правового государства и ценностях европейской демократии.

Материалы Евробарометра свидетельствуют о формировании в послевоенный период устойчивой европейской идентичности западных немцев. С начала проведения опросов в 1974 г. общественного мнения под эгидой Еврокомиссии, до 1990 г. поддержка западными немцами членства в ЕЭС составляла от 45% до 65%⁵.

Второй этап, начавшийся объединением ГДР и ФРГ, ознаменовался очередным кризисом национального самосознания, обусловленным проблемами консолидации немецкой этнической нации, интеграции иммигрантов и формирования общей гражданской идентичности.

⁴ «Историзация» понималась консервативными историками ФРГ как необходимость оборвать витальную связь немцев с прошлым; ослабить власть прошлого над настоящим и будущим. (Хлебников Б., Асман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с. URL: <https://profilib.net/chtenie/48270/boris-khlebnikov-novoe-nedovolstvo-memorialnoy-kulturoy-24.php> (дата обращения: 20 января 2018 г.).

⁵ Standart Eurobarometer 33. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb33/eb33_en.pdf (дата обращения: 20.02.2018). P. 6.

В дискуссии о поиске новой идентичности, которая завязалась в объединённой Германии, чётко определились два подхода: «гражданской нации» (Staatsbürgernation) и «народной нации» (Volksnation). В среде учёных и политиков на западе страны продолжало доминировать теоретическое построение немецкой идентичности как постнациональной, а на востоке важнее было осознание себя частью единого немецкого народа, признание социокультурной и этнической общности с западными немцами [7, с. 95]. Часть историков настаивала на развитии «демократического патриотизма», формировании немецкой нации с твёрдой европейской ориентацией и западными ценностями [23, S. 581].

С середины 2000-х гг. в Германии осуществляется государственная политика, содействующая актуализации национальной идентичности немцев и консолидации немецкой нации [2, с. 52–53; 3, с. 19–20]. Однако «тьма нацистского прошлого» вынуждает современных немецких политиков и учёных крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Процессы «нормализации» национального самосознания немцев происходят под пристальным контролем со стороны как сторонников самоцензуры в Германии, так и мировой общественности [1, с. 121–124].

Поддержка населением процессов европейской интеграции отчасти объясняется лидерскими позициями Германии в ЕС. Приверженность немцев общеевропейским политическим и культурным ценностям демонстрирует усиление европейской составляющей их самосознания при сохранении явно выраженной национальной идентичности. В 1990-е гг. только о национальной идентичности заявляли 49,4% немцев, а доля населения Германии с двойной идентичностью (национальной и европейской с превалированием первой) составляла 37,9%. При этом двойную идентичность с превалированием европейской признавали 7,8% немцев⁶.

В 2000–2017 гг. доля носителей только национальной идентичности в среднем по стране составила 30,8% (от 38% в 2000 гг. до 26% в 2017 г.). О двойной идентичности с превалированием национальной в данный период заявили в среднем 53% жителей Германии (от 46% в 2000 до 56% в 2017 г.). Показатели по двойной идентичности с превалированием европейской несколько увеличились и составили в среднем 10,6%. Число носителей только европейской идентичности остаётся низким, в среднем 3,5% населения (2% в 2014–2017 гг.)⁷.

Эти показатели коррелируют с данными опросов Евробарометра об отношении к членству в ЕС. Начиная с 1991 г. средний показатель позитивного отношения к членству Германии в ЕС держался на отметке 50% и выше. Даже в условиях мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. этот показатель оста-

⁶ Standart Eurobarometer 40-52. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD> (дата обращения: 10.02.2018).

⁷ Standart Eurobarometer 54, 56, 57, 60, 62, 73, 77, 79, 82, 83, 85, 87. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD> (дата обращения: 15-20 February 2018).

вался стабильно высоким – 60%, тогда как в целом по ЕС – 53%⁸. Приведённые данные подтверждаются результатами опроса Вашингтонского Pew Research Center 2012 г., в ходе которого 59% жителей Германии согласились с высказыванием, что европейская интеграция – это благо для страны, и 65% положительно оценили членство Германии в Евросоюзе⁹.

Под воздействием кризисных явлений в немецком обществе усилились дискуссии о мультикультурализме и проблемах интеграции иностранцев, преимущественно мусульманского вероисповедания.

Иностранное население в стране составляет 10 млн чел. (12,2% населения), с миграционным прошлым – 18,5 млн чел. (22,5%). Самую большую группу мусульман образует турецкая диаспора – 1,5 млн чел., с миграционным прошлым – 3 млн чел¹⁰. Согласно исследованию Фонда Фридриха Эберта, в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. доля немцев, испытывающих враждебность к иностранцам, возросла с 21 до 25%; в 2010 г. 34% немцев согласились с утверждением, что иностранцы приезжают в Германию, чтобы наживаться на социальных благах, а 32% – с тем, чтобы депортировать иностранцев на их родину в случае нехватки в стране рабочих мест¹¹.

После заявления в 2010 г. канцлера ФРГ А. Меркель о «провале» политики мультикультурализма, в германском общественно-политическом дискурсе актуализировалась идея «Leitkultur» («культуры титульной нации») [11], сторонники которой считают, что приобщение к немецкой культуре станет эффективным средством интеграции приезжих в общественный организм страны, а успехи этой аккультурации – мерой стабильности германской общественной жизни. На этом фоне с новой силой зазвучали и идеи формирования постнациональной идентичности, модели немецкой нации с её подчёркнутым принципом гражданства и опорой на общеевропейские ценности.

Немцы сохранили свою приверженность Европейскому союзу и в период обострения миграционного кризиса 2015–2016 гг., на фоне усиления негативных настроений в отношении иностранцев. За два кризисных года численность сирийских иммигрантов в Германии увеличилась более чем в шесть раз, достигнув в 2015 г. 370 тыс. чел¹². В 2015 г. 46% немцев определяли иммиграцию как основной вызов Германии; 58% населения выступали против иммиграции из-за пределов ЕС. Каждый пятый немец чувствовал себя лично пострадавшим от

⁸ Standart Eurobarometer 70(2), 72, 73 (1). [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index?p=1&instruments=STANDARD> (дата обращения: 20 February 2018).

⁹ Опрос: Немцы – самые популярные европейцы // Deutsche Welle. 01.06.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/опрос-немцы-самые-популярные-европейцы/a-15989434> (дата обращения: 19.02.2018).

¹⁰ DE STATIS. Statistisches Bundesamt. Ausländische Bevölkerung. Fachserie 1 Reihe 2. 2016. Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus. Fachserie 1 Reihe 2.2.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung.html> (дата обращения: 19.02.2018).

¹¹ Decker O., Weißmann M., Kiess Jo., Brähler E. Die Mitte in der Krise: Rechtsextreme Einstellungen in Deutschland 2010. Bonn: Brandt GmbH Druckerei und Verlag, 2010. 176 S. S. 73, 92.

¹² DE STATIS. Statistisches Bundesamt. Ausländische Bevölkerung...

последствий иммиграции, это в два раза чаще, чем в остальных странах ЕС. Наряду с этим, 82% немцев (68% европейцев) заявили о поддержке Европейской иммиграционной политики; 43% немцев (36% европейцев) отметили желательность принятия решений в сфере миграции как на европейском, так и на национальном уровне. По данным Евробарометра за 2017 г., уровень поддержки общей Европейской иммиграционной политики немцами сохранился, составив 83% населения (68% по ЕС)¹³.

При этом по итогам выборов 2017 г. третьей по численности партией в Бундестаге стала основанная в 2013 г. консервативная и евроскептическая политическая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ; нем. «Alternative für Deutschland», AfD)¹⁴. Программа АдГ содержит такие положения об ужесточении иммиграционной политики с целью прекращения потока профессионально неквалифицированных иммигрантов, об отказе от политики воссоединения семей беженцев и практики двойного гражданства, о необходимости ограничения исламской религиозной практики, противоречащей либерально-демократическим основам германского общества и др.¹⁵. Рост политического влияния партии свидетельствует о сохраняющихся в немецком обществе антииммиграционных настроениях.

Жители Германии активно выступают за усиление контроля на внешних границах ЕС. В 2016 г. 35% немцев высказались за принятие, предпочтительно на уровне Евросоюза, дополнительных мер по борьбе с нелегальной внешней иммиграцией¹⁶.

Иное отношение наблюдается к внутренним миграциям и границам. В кризисные 2014 г. и 2015 г. о своём позитивном отношении к иммигрантам из стран ЕС заявляли 50% немцев (52% европейцев) и 57% немцев (55% европейцев) соответственно. Право на работу и проживание в любом государстве-члене ЕС положительно оценили 76% немцев (74% и 72% европейцев соответственно)¹⁷. В 2017 г. внутреннюю миграцию в ЕС поддерживали 71% немцев (63% европейцев), право каждого гражданина на проживание и работу в другом государстве ЕС – 84% немцев (76% европейцев) и 79% немцев (72% европейцев) соответственно¹⁸.

¹³ Standard Eurobarometer 84. National Report. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2098>; Standard Eurobarometer 87. Annex. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2142> (дата обращения: 20.02.2018).

¹⁴ Sitzverteilung im 19. Deutschen Bundestag. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bundestag.de/parlament/plenum/sitzverteilung_19wp (дата обращения: 19.02.2018).

¹⁵ Unser Programm für Deutschland. Zuwanderung/Asyl. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/zuwanderung-asyl/> (дата обращения: 20.02.2018).

¹⁶ Standard Eurobarometer 86. National Report. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2137> (дата обращения: 20.02.2018).

¹⁷ Standard Eurobarometer 82. ...; Standard Eurobarometer 84. ...

¹⁸ Standard Eurobarometer 87. Annex...; Standard Eurobarometer 88. National Report. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 20.02.2018).

Категория мобильности – это важнейший элемент в представлениях жителей Германии о Евросоюзе, что отчасти можно объяснить влиянием её «инструменталистской» составляющей, основанной на оценке людьми издержек и приобретений от принадлежности к общему европейскому пространству. В 2017 г. за свободное передвижение граждан ЕС высказались 89% немцев (81% европейцев)¹⁹. Возможность проживания в своей стране положительно оценивают 78% немцев и 71% европейцев²⁰. Результаты опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что немцы гораздо позитивнее, чем европейцы в среднем, оценивают членство своей страны в ЕС и его внутреннюю интеграционную политику и, одновременно, выступают за сохранение границ суверенного государства и усиление внешних границ ЕС.

Анализ современной ситуации позволяет предположить продолжение политическим руководством ФРГ (при поддержке интеллектуальной элиты и большинства населения в целом) курса на европейскую интеграцию и укрепление лидерских позиций в Европейском союзе, реализацию политики открытых границ внутри объединения с сохранением позиций национального государства. Растущие опасения немецкого населения перед лицом современных вызовов и угроз способствуют проведению германским руководством политики регулирования миграционных процессов на европейском уровне с точки зрения усиления защиты внешних границ ЕС.

Франция. *Французская национальная идентичность* после Второй мировой войны была связана с решением дилеммы – как удержать колонии и сохранить в преобразованном виде империю и найти себя в роли европейского лидера. Именно Франция инициировала европейский интеграционный проект, хотя в политическом истеблишменте и среди населения страны идеи «отца» европейской интеграции Ж. Монне вызывали сдержанный отклик – до тех пор, пока в 1960-е гг. не произошёл впечатляющий рост экономики стран Общего рынка. Тот политический идеал, к которому стремились Ж. Монне и его соратники, предполагал объединение европейских государств в некое сверхгосударство, внутри которого должно было оформиться осознание европейского единства. Однако подписание в 1973 г. Декларации идентичности не приблизило достижения этого идеала. Франция и другие страны оказались перед неразрешёнными до сих пор вопросами: кого причислять к европейцам, у кого формировать общие ценности, какие последствия повлечёт за собой европейская интеграция для Франции и её национальной идентичности [12, с. 239-240]? Ответить на них стало ещё сложнее с увеличением численности трудовых мигрантов. Ввиду нехватки рабочих рук Франция сознательно поощряла въезд выходцев из своих бывших колоний, чтобы сохранить тесные связи с разлетающимися осколками империи.

¹⁹ Standard Eurobarometer 87. Annex...; Standard Eurobarometer 88. National Report. Germany...; Standard Eurobarometer 88. Factsheets in English. Germany. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 20.02.2018).

²⁰ Standard Eurobarometer 87...; Standard Eurobarometer 88 ...

С середины 1970-х гг. обозначился рост неприятия мигрантов в условиях резко ухудшившихся экономических позиций Франции в связи с «нефтяным шоком» 1973–1974 гг. Эти трудности совпали с более активным, чем прежде, выходом на рынок труда женского населения. Хотя потребность в дешёвой рабочей силе из других государств снизилась, численность мигрантов продолжала расти. К началу 1980-х гг. насчитывалось уже 3 млн мусульман. В 1980-е гг. на фоне заметно участвовавших случаев столкновений на почве расовой и религиозной нетерпимости произошло укрепление созданной в 1972 г. праворадикальной партии «Национальный фронт» во главе с Жан-Мари Ле Пенем.

К концу 1980-х гг. «нефранцузские» корни имел каждый пятый житель Франции: хотя бы один из его предков в третьем поколении был иммигрантом [9, с. 189]. Общественная тревога вылилась в принятие закона, направленного на ужесточение процедуры получения французского гражданства, и другие аналогичные меры [10, с. 122]. Как показывают материалы опросов общественного мнения, «наслоения» миграционного характера слабо сказались на общеевропейской идентичности французов. В 1993 г. 65% населения (один из самых высоких показателей среди других стран ЕС) соотносили себя как с национальным государством, так и Евросоюзом²¹. Несмотря на последовавшее снижение этого показателя (в 2002 г. до 52%), Франция оставалась среди стран с наиболее высоким процентом граждан, которые считают себя носителями и национального, и европейского самосознания²².

Внутри страны восприятие иностранцев с другим цветом кожи, иной религией и культурой оставалось сложным. Механизм интеграции мигрантов, утвердившийся во Франции, получил название республиканской модели «жёсткой» ассимиляции. Её истоки восходят к якобинской традиции времён Великой французской революции с установкой на создание светского государства «свободы, равенства и братства». В рамках такой модели, основанной на ассимиляционном подходе, от мигрантов ожидают принятия базовых ценностей французской нации» и их превалирования над этническими, религиозными и культурными особенностями иностранцев [10, с. 122]. В реальности пришлое население демонстрировало настойчивое стремление к сохранению своей идентичности. В 1991 г. 56% французов отметили, что в их стране «слишком много мигрантов»²³. В 1997 г. 69% французов согласились с утверждением о том, что их страна достигла лимита (по принятию иностранцев), и если их будет больше, то возникнут серьёзные проблемы²⁴.

²¹ Standard Eurobarometer 40. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf (дата обращения: 12.02.2018).

²² Standard Eurobarometer 57. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb57/eb57_en.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

²³ Standard Eurobarometer 35. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb35/eb35_en.pdf (дата обращения: 29.01.2018).

²⁴ Standard Eurobarometer Opinion Poll 47.1. Racism and Xenophobia in Europe. December 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_113_en.pdf (дата обращения: 29.01.2018).

Обеспокоенность населения угрозой размывания национальной идентичности нашла отражение при голосовании по проекту Евроконституции весной 2005 г. Данные опросов Евробарометра 2004 г., проведенные накануне референдума и выборов в Европарламент, показывают спад симпатий к Европейскому союзу. Франция оказалась в числе стран, жители которой невысоко оценили выгоду от членства в ЕС: его поддержали только 46% населения страны против 82% в Греции и 80% в Ирландии²⁵. При этом 54% французов разделяли национальную и европейскую идентичность²⁶.

Проект Конституции поддерживали 62% французского электората, и это невысокий показатель по сравнению с другими странами; наиболее сильной поддержка проекта была в Италии (78%), Люксембурге (75%) и Бельгии (72%)²⁷. На референдуме в конце мая 2005 г. проект одобрили только 45% французов. А осенью 2005 г. в стране две недели продолжались массовые беспорядки, ставшие реакцией на гибель двух подростков североафриканского происхождения, пытавшихся скрыться от полиции. Эти события косвенным образом вновь актуализировали вопрос о самой возможности существования европейского сверхгосударства с населением, столь неоднородным по культуре, религии и менталитету.

Во временной динамике поддержка членства страны в Европейском союзе снизилась с 53% в 1981 г. до 48% в 2004 г.²⁸. Хотя этот спад незначителен, он свидетельствует о неуклонном усилении недоверия к Евросоюзу. Что касается свободы передвижения как одной из базовых характеристик общеевропейского самосознания, то в 2004 г. французы высоко оценивали этот пункт: при ответе на вопрос «Что для Вас значит членство в Евросоюзе?» 51% французов назвали именно «свободу передвижения», за ней следовали «евро» – 50% и «мир» – 31%²⁹.

На фоне в целом сдержанного отношения к Евросоюзу и роста антииммигрантских настроений к принципу свободы передвижения французы относятся с прохладным нейтралитетом. Весной 2015 г. в ответах на вопрос «Что вы считаете самым позитивным результатом ЕС?» пункт «свободное перемещение людей, товаров и услуг внутри ЕС» получил во Франции крайне низкую поддержку – 45%, при среднем показателе по ЕС – 28,57%. Меньше, чем во Франции, только в Великобритании – 44%, напротив, высокие показатели в Словакии – 76%, Литве – 73% и Швеции – 72%³⁰.

Такие результаты стали отголоском острой фазы миграционного кризиса 2015–2016 гг. Выходцы из Судана, Сомали, Эфиопии, Афганистана, Пакистана,

²⁵ Standard Eurobarometer. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61_en.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Standard Eurobarometer 83. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb83/eb83_citizen_en.pdf (дата обращения: 02.01.2018).

Ирака, Сирии устремились в наиболее развитые страны ЕС – ФРГ, Францию, Великобританию. Во французском Кале около двух лет существовал лагерь «Джунгли», где десятки тысяч мигрантов ждали возможности перебраться через Ла-Манш. После официального сноса в 2016 г. «Джунглей» и переселения беженцев в другие части Франции иммигранты вновь обосновались на том же месте.

Отражением роста недовольства французов существующим положением вещей стала президентская кампания 2017 г., когда лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен с её напористой антимиграционной и евроскептической риторикой вышла во второй тур президентских выборов, оставив позади социалистов и республиканцев. Несмотря на убедительную победу Эмманюэля Макрона, во втором туре набравшего вдвое больше голосов, чем Ле Пен, выборы продемонстрировали высокую популярность лозунгов правых, что ставит под сомнение проевропейский настрой французов.

С середины прошлого века мусульманское население увеличилось почти в 30 раз: в 1950 г. 230 тыс. мусульман, в 1990-е гг. около 4 млн, а в 2010 г. более 6 млн чел. [25]. Согласно данным Pew Research, в середине 2016 г. во Франции насчитывалось 5,7 млн мусульман (8.8% от общей численности населения страны)³¹. Мы приводим оценку неправительственных исследовательских организаций, поскольку французское законодательство запрещает при проведении переписей населения задавать вопросы о расовой и этнической принадлежности. В целом, согласно последним официальным данным, в 2014 г. насчитывалось 5,8 млн иммигрантов и 4,08 млн иностранцев³². Разграничение на иммигрантов и иностранцев объясняется тем, что во Франции демографы называют «иммигрантом» любого, кто родился за границей, но проживает на территории страны; иностранцем является лицо, проживающее во Франции и не имеющее гражданства этой страны.

В опросах общественного мнения, проведённых в 2015 г. агентством Ipsos Mori, семеро из десяти человек указали, что за последние 30 лет иностранцы так и не интегрировались в общество, причём 85% респондентов считали, что сами мигранты не предпринимают необходимых для этого усилий. 63% французов заявили, что ислам несовместим с базовыми ценностями страны, 24% дали аналогичный ответ для иудаизма и 9% для католицизма. 74% опрошенных утверждали, что мусульмане стремятся навязать свои ценности другим. В целом, чуть менее 70% респондентов заявили, что религиозный фундаментализм представляет собой проблему, к которой необходимо относиться серьёзно³³.

³¹ 5 facts about the Muslim population in Europe. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (дата обращения: 22.02.2018).

³² Immigrant and foreign population. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ined.fr/en/everything_about_population/data/france/immigrants-foreigners/immigrants-foreigners/ (дата обращения: 22.02.2018).

³³ From margins to mainstream: the rapid shift in French public opinion [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/datablog/2015/jan/08/french-public-opinion-charlie-hebdo-attacks> (дата обращения: 25.01.2018).

Октябрьский опрос 2017 г.³⁴ свидетельствует о том, что большинство французов обеспокоены потерей идентичности (59%), экономическими последствиями глобализации (58%) и риском терроризма (53%). 85% опрошенных считают, что иммиграция во Францию значительно возросла в последние годы. 56% считают её влияние на французское общество негативным (23% ответили, что влияет «очень негативно») и только 16% – позитивным. 38% респондентов согласны с утверждением, что ислам и французское общество несовместимы.

Углубление противоречий внутри французского общества по иммиграционному вопросу и падение доверия населения к базовым принципам и деятельности ЕС, включая скептическое отношение к «открытым границам», доказывают неэффективность республиканской модели ассимиляции и крах мультикультурной идеологии. Даже при поправках на роль Франции как одного из лидеров интеграции, существующие трудности в средне- и долгосрочной перспективе будут ослаблять идентификацию населения страны с Евросоюзом и его ценностями.

Австрия. *Австрийская национальная идентичность* формировалась в особых условиях, за сто лет проделав путь от «государства, которое никому не было нужно» и «карликового придатка Германии»³⁵ до новой нации, вписанной в общеевропейский контекст [17, S. 43]. Активное становление австрийской идентичности началось лишь в 1918 г., когда большая часть современной территории страны обрела статус независимой республики, став одним из осколков некогда могущественной Австро-Венгерской империи под названием «Немецкая Австрия» (*Deutschösterreich*). После Первой мировой войны в стране царили прогерманские настроения, сменившиеся на противоположные после поражения нацистской Германии во Второй мировой войне. «Одной из первых жертв» гитлеровской Германии называли союзники Австрию, освободив страну от ярлыка «соучастницы» преступлений, совершённых сторонниками гитлеровского режима, и включения Австрии в состав нового рейха [26, S. 384].

Впервые об австрийской идентичности активно заговорили в 1950–1960-е гг., после того как страна вновь обрела независимость. Именно тогда были сформированы и заново осмыслены основные составляющие австрийской идентичности: нейтралитет, социальное партнёрство, культурно-историческое наследие (спорт, природа, наука и пр.), пространственно-территориальная составляющая, принадлежность к западной системе ценностей. В тот период формируется ещё одна важная черта австрийской идентичности: «Историческая ответственность за содеянное во Второй мировой войне или наоборот – синдром жертвы» (*Opfer- oder Mitverantwortungsthese*). Её суть заключается в эволюции австрийского самосознания от жертвы к соучастнику военных преступлений.

³⁴ Attitudes Towards Refugees, Immigrants and Identity in France: More in Common [Электронный ресурс]. URL: <http://www.6degreesto.com/article/attitudes-toward-refugees-immigrants-identity-france-common/> (дата обращения: 25.01.2018).

³⁵ Bauer O. «Acht Monate auswärtiger Politik». Eine Rede vom 29 Juli 1919 in Wien. URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11128183_00006.html (дата обращения: 18.01.2018).

Ответственность последующих поколений за деяния предков была одной из важных тем в австрийском и немецком обществах в послевоенный период, что отражалось в социальной и культурной жизни обеих стран. Однако эта концепция укоренилась в австрийском сознании лишь в начале 2000-х гг.

Ещё одной составной частью национальной идентичности австрийцев стало принятие концепции «страна иммигрантов против собственной воли» (Asyl- und Einwanderungsland wider Willen), суть которой заключается в готовности принять в общество иностранных граждан и быть страной, предоставляющей убежище нуждающимся. Сегодня это определяется не только как область внешней политики страны (мнения о ней давно разделились), но и является средством самоидентификации австрийского населения [29, S. 415–435], о чём наглядно свидетельствуют результаты опросов населения. Согласно последним данным, на сегодняшний день 15,3% населения страны – иммигранты³⁶, 21% граждан Австрии – люди с «иммигрантским прошлым» (*Staatsbürger mit Migrationshintergrund*)³⁷, т.е. в общей сложности 36,3% населения страны является «некоренным». В среде мигрантов и граждан с иммигрантским прошлым подавляющее большинство респондентов расценивают Австрию как свою родину (70%) и лишь 8% определяют родину по месту своего рождения называют родной страной своего недавнего пребывания³⁸.

Становление национальной идентичности жителей Австрии началось в середине прошлого века. Официальные социологические исследования наглядно демонстрируют, как менялось отношение австрийских граждан к своей стране: в 1956 г. 49% опрошенных считали себя частью австрийской нации, а 46% отнесли себя к немецкому народу. Следующий опрос, проведённый в 1964 г., содержал не только пункт «Являются ли австрийцы единой нацией?», но и несколько вариантов: «Австрийцы начинают становиться единой нацией» и «Австрийцы не являются единой нацией». В итоге на первый вопрос положительно ответили 47% респондентов, а на второй – 23% [30, S. 60].

Данные результаты были во многом связаны с быстрым послевоенным восстановлением австрийской экономики, а также с оккупацией страны. Этот временной отрезок исследователи С. Трибутш и П. Ульрам определили как первую фазу становления австрийской идентичности. Начало второй фазы – с рубежа 1960–1970 гг. вплоть до вступления страны в Европейский союз. В этот период 2/5 населения определяли себя как часть одной нации, что было связано с высокими «политическими, экономическими и социальными достижениями, а также высокой долей уверенности в их будущем стабильном развитии»³⁹.

³⁶ Anteil der Ausländer an der Bevölkerung in Österreich von 2007 bis 2017. // Statista – das Statistik-Portal: [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/293102/umfrage/auslaenderanteil-in-oesterreich/> (дата обращения: 18.01.2018).

³⁷ 1,8 Millionen Menschen mit Migrationshintergrund in Österreich. // Die Presse. [Электронный ресурс]. URL: <https://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/5068482/18-Millionen-Menschen-mit-Migrationshintergrund-in-Oesterreich> (дата обращения: 18.01.2018).

³⁸ Identität & Österreich-bewusstsein. Aktuelles zu Migration und Integration. Wien, 2014. S. 2.

³⁹ Ibid.

Подача заявки (1989 г.) и последовавшее вступление (1995 г.) в Европейский союз вновь заставили австрийскую общественность обратиться к проблеме идентичности. К тому моменту в стране уже сформировалось национальное самосознание: австрийцы стали ощущать себя комфортно в собственной деревне, части города и стране. Новые поколения ощущают себя частью австрийской нации, появляется австрийское «мы», а также понимание отличности и общности с соседними государствами, такими как Венгрия, Чехия, Германия и отчасти Швейцария.

Долгая подготовка к вступлению страны в Европейский союз завершилась народным референдумом в 1994 г. Подготовка референдума проходила под лозунгом «Мы – Европа» (*Wir sind Europa*), который должен был знаменовать вступление в новую эпоху сплава европейской и австрийской идентичностей. Незамедлительно встал вопрос о путях сохранения недавно обретенной национальной идентичности, когда национальные институты вынуждены передавать часть своих властных и законодательных полномочий структурам Европейского союза [4, с. 109].

Вопреки опасениям политической элиты и гражданского общества, страна успешно интегрировалась в структуры Европейского союза, что отразилось, в частности, и на общественном мнении австрийцев. Ежегодные отчеты Европейской Комиссии с момента вступления Австрии в Сообщество наглядно демонстрировали тенденцию к сближению двух идентичностей. Если в 1995 г. о вступлении страны в ЕС высказались положительно только 64% респондентов (27% «категорически против»), то уже через пять лет первая цифра выросла до 69%⁴⁰.

Через десять лет после вступления страны в Сообщество 66% опрошенных чувствовали себя не только австрийцами (97%), но и европейцами, а в гражданском обществе появились новые маркеры европейской идентичности. В частности, большой процент опрошенных полагали, что на общеевропейском уровне нужно бороться с безработицей (53% респондентов), с преступностью (32%), бедностью и социальным неравенством (45%)⁴¹. Тем не менее, сохранение австрийской идентичности всё ещё было важным. На протяжении первых десяти лет пребывания в ЕС против идеологии европейской идентичности в парламенте активно выступали сторонники ультраправой Австрийской партии свободы (АПС). В частности, после расширения ЕС на Восток в 2004 г. эта партия развернула в обществе дебаты по вопросам «Кто мы?» и «Кто наш друг/враг?»⁴².

Мировой финансовый кризис и кризис еврозоны 2008 г. также изменили баланс двух идентичностей в пользу национальной. Ухудшение экономической ситуации отразилось на настроении австрийцев. В 2007 г. 83% опрошенных схо-

⁴⁰ Standart-Europabarometer 43 [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1417> (дата обращения: 17.01.2018).

⁴¹ Standart-Europabarometer 53. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1407> (дата обращения: 24.01.2018).

⁴² Ignazi P. Extreme right-wing parties in Western Europe. Oxford, 2003.

дились во мнении, что экономика Австрии стабильна⁴³, однако через год эта цифра опустилась до 72%⁴⁴, а в 2009 г. – даже до 36%⁴⁵. В том же году ежегодные общеевропейские исследования показали, что 95% опрошенных чувствуют себя австрийцами, из которых 78% считают себя также и европейцами. Несмотря на «миграционное цунами» в связи с кризисом беженцев 2015-2016 гг. и стабильный рост правых настроений до 60% населения страны придерживаются мнения о том, что вступление и участие в ЕС – это правильные решения [4, с. 110].

Миграционный кризис наглядно продемонстрировал раскол австрийского общества на два лагеря. К первому принадлежат «австрийцы, которые не считают проблемы миграции ключевыми для развития общества». В 2017 г. 36,5% опрошенных заявили, что миграционная и интеграционная политика правительства функционирует «очень хорошо» или «скорее хорошо», а 63,5% – «скорее плохо» или «очень плохо»⁴⁶. Следует заметить, что в 2010 г. большинство опрошенных (69%) давали негативную оценку миграционной и интеграционной политике государства, но в 2014 г. благодаря активным действиям правительства этот показатель снизился до 51%⁴⁷. Годом позже, на пике миграционного кризиса, эта отметка вновь достигла 60%, несколько снизившись в 2016 г.⁴⁸

Можно заметить, что, несмотря на недовольство проблемами, вызванными «миграционным цунами», большая часть опрошенных положительно оценили членство Австрии в Европейском союзе. Тем не менее, в обществе с каждым годом крепки антииммиграционные настроения. В 2017 г. по итогам парламентских выборов к власти пришла правая коалиция в составе Австрийской народной партии и Австрийской партии свободы, набравшими соответственно 31,4% и 27,4% голосов. Во главе правительства сегодня находится лидер народников С. Курц, который ранее отвечал за работу в стране интеграционных и миграционных институтов.

В целом, в обществе сохраняется устойчивая приверженность «австрийскому европеизму». Свобода передвижения по территории ЕС, возможность работать и учиться за пределами Австрии по-прежнему остаются главными плюсами членства в Евросоюзе. В то же время последние данные Еврокомиссии демонстрируют серьёзную обеспокоенность граждан Австрии последствиями острой фазы миграционного кризиса. Следствием этого стали не только правые настроения (порой ультраправые), но и желание ужесточить контроль над

⁴³ Standart-Europabarometer 68. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD&surveyKy=664> (дата обращения: 29.01.2018).

⁴⁴ Standart-Europabarometer 70. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/832> (дата обращения: 25.01.2018).

⁴⁵ Standart-Europabarometer 71. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/index#p=1&instruments=STANDARD&surveyKy=829> (дата обращения: 30.01.2018).

⁴⁶ Statistik Austria. Kommission für Migrations- und Integrationsforschung der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Migration & Integration. Zahlen, Daten, Indikatoren. Wien, 2017. S. 92.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

границами государства (53% в 2015 г. и 50% в 2016 г.), а также обеспокоенность криминогенной обстановкой, обострение которой половина австрийцев (46% в 2015 г. и 50% в 2016 г.) связывают именно с притоком беженцев и трудовых мигрантов. Такие данные свидетельствуют о подвижности ситуации, особенно в контексте восприятия принципов свободной мобильности и ослабленных внешних границ Евросоюза.

Швеция. Формирование *шведской национальной идентичности* проходило без глубинных потрясений. Современные культурные идеалы и коллективная идентичность народа вписаны в контекст базовых принципов шведской политики с 1930-х гг., когда на территории страны сформировалось государство всеобщего благоденствия, в основе которого лежит концептуальная модель «дом для народа» (*folkhemmet*) [28, p. 126]. Первым и основным лозунгом этой модели, разработанной Социал-демократической партией Швеции, стало обеспечение населения доступным жильём, вторым – преобразование Швеции в «дом», где царят равенство и взаимопонимание [27].

Таким образом, ещё до начала Второй мировой войны в стране сформировался один из важнейших критериев шведской идентичности: государство и народ рассматривают равенство и сотрудничество в политическом контексте, опираясь на доверие государственным учреждениям со стороны гражданского общества. Изначально политический лозунг «Швеция – дом для народа», предполагающий стремление к политическому, культурному и экономическому прогрессу общества, стал базовым принципом существования нации.

Заметное укрепление шведской идентичности в рамках концепции «дом для народа» произошло в период экономической стабильности и процветания 1960-х гг. В дополнение к популярным идеям нейтралитета и процветания, в сознании нации закрепились ещё одна черта шведской идентичности – способность и желание помогать слабым и нуждающимся. Тогда речь шла об оказании помощи европейским государствам в послевоенном восстановлении. В шведское самосознание вошла вера в свою страну как «великую европейскую державу», которая вносит посильный вклад в разрешение международных проблем [19, p. 87]. Концепт, исчезнувший из шведской идентичности вслед за падением великодержавной Швеции XVII–XVIII вв., вновь стал одним из центральных.

В 1975 г. Швеция на законодательном уровне закрепила свою приверженность политике мультикультурализма, принципам равенства качества жизни населения, культурной свободы и солидарности между меньшинствами и большинством [15, p. 199–211]. Соответствующая перестройка общественного сознания отразилась на правах неграждан: они получили права на участие в выборах (после трёх лет постоянного проживания на территории Швеции), посещение языковых курсов, а также на финансовую помощь государства и общественных организаций с последующим правом на принятие шведского гражданства [14, p. 36].

Вступление в Евросоюз (1995 г.) не стало серьёзным испытанием для национальной идентичности. Согласно опросам общественного мнения⁴⁹, на момент вступления страны в ЕС 56% шведов определяли себя в контексте своей национальности, а из остальных 2% чувствовали себя «только европейцами», 5% заявили, что прежде всего они граждане Европы, а уже потом Швеции. Остальные 36% считали себя шведами, вписанными в общеевропейский контекст. Через два года, на фоне институциональных изменений Амстердамского договора и подготовки к введению в обращение евро, цифры мало изменились: 57% «шведов», 2% «европейцев», 4% «европейцев и шведов» и 35% «шведов и европейцев»⁵⁰.

На протяжении первого десятилетия пребывания в Евросоюзе отношение к нему в Швеции оставалось стабильно положительным. Так, в 2005 г. 53% населения страны определяли себя «шведами и европейцами» – это на 8% больше, чем в 2004 г., и на 16% больше, чем в 2003 г. С другой стороны, 46% респондентов (48% в 2004 г. и 57% в 2003 г.) выразили мнение, что они не являются частью Европы, заняв по этому показателю второе место в ЕС после Великобритании, где 2/3 населения «никогда не считали себя европейцами»⁵¹.

Одному из первых испытаний шведская идентичность подверглась через пять лет, под воздействием миграционного кризиса. Несмотря на то, что большую часть своей современной истории Швеция была страной иммигрантов, кризис вскоре отразился на настроениях в обществе. Возникла полемика по поводу так называемого «шведского начала» (*Shwedishness*)⁵², превратившаяся в один из главных постулатов актуальной шведской внутренней и внешней политики, а также заставила людей говорить о «защите нации», что в свою очередь уже привело к заметному росту радикальных настроений в обществе.

В 2015 г. Брюссель не смог достичь согласия с государствами-членами относительно квот для приёма беженцев из Сирии, Ирака, Сомали, Эритреи и других стран. Это не только осложнило обстановку внутри Европейского союза, но и взвалило тяжёлое бремя на Германию и Швецию – две страны, которые выразили желание предоставить территории своих государств беженцам. Однако если для Германии подобный сценарий оказался проблемным лишь отчасти (например, события в Кёльне в новогоднюю ночь 2016 г., когда беженцы устроили беспорядки в центре города, то для Швеции с населением в 9,9 млн чел. подобное развитие событий стало подлинным потрясением. Если в 2009 г. поло-

⁴⁹ Standart-Europabarometer 43. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1417> (дата обращения: 02.01.2018).

⁵⁰ Standart-Europabarometer 47. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1413> (дата обращения: 11.01.2018).

⁵¹ Standart-Eurobarometer 64. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/833> (дата обращения: 17.01.2018).

⁵² Nationalism, Identity and Public policy in Sweden: Pursuing an Elusive national identity. [Электронный ресурс] // Inquiries. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/1645/nationalism-identity-and-public-policy-in-sweden-pursuing-an-elusive-national-identity> (дата обращения: 22.01.2018).

жильное миграционное сальдо страны составляло 50 тыс. чел., то спустя пять лет эта цифра выросла до 80 тыс. чел. в месяц⁵³.

Большое количество беженцев и нежелание многих из них включиться в программы интеграции способствовали росту правых настроений. Так, в октябре 2015 г. в городе Тролльхеттан 21-летний Антон Лундин Петерсон, руководствуясь расистскими мотивами, ранил в местной школе двоих человек и убил троих. За этим преступлением последовал всплеск правых и радикальных настроений в молодёжной среде, участились акты вандализма, направленные на синагоги, мечети и приюты для беженцев. Тем не менее, в 2017 г. 76% опрошенных шведов по-прежнему считали себя гражданами Европейского союза и поддерживали его политику. Более того, миграционная ситуация в ЕС вызывала опасения лишь у 27% респондентов, тогда как 52% против 37% опрошенных сходились во мнении, что европейские институты заслуживают доверия⁵⁴.

Таким образом, можно констатировать, что шведская национальная идентичность уверенно сосуществует с общеевропейской идентичностью, а уровень доверия «Европе» остаётся высоким (6-е место после Литвы, Болгарии, Люксембурга и Бельгии)⁵⁵. Политика открытых границ в Европе не вызывает острых противоречий в обществе, и более того, 40% респондентов считают её способной найти решения различных вопросов, важных для всех участников ЕС⁵⁶.

Кейсы стран, население которых занимает евроскептическую позицию в отношении общей европейской идентичности в контексте факторов миграции и границ

В отношении принципа открытых границ **Великобритания и ряд стран ЦВЕ** демонстрируют двойственный подход: с одной стороны, они выступают (насколько возможно говорить о Британии в настоящем времени) за свободу передвижения своих граждан по территории Евросоюза, с другой – отрицательно относятся к системе квот на беженцев и в целом к миграционной политике Брюсселя.

Ситуация в **Великобритании** представляет значительный интерес не только в связи с выходом страны из Европейского союза, но также в силу того, что Лондон оказывает заметное влияние на позицию и внешнеполитическую идентичность восточноевропейских стран, взявших в постсоциалистический период ориентацию на англосаксонские страны.

⁵³ Regeringen Föreslår Åtgärder för att Skapa Andrum för Svenskt Flyktingmottagande. // Regeringskansliet 2015: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regeringen.se/artiklar/2015/11/regeringen-foreslar-atgarder-for-att-skapa-andrum-for-svenskt-flyktingmottagande/> (дата обращения: 22.01.2018).

⁵⁴ Standard-Europabarometer 88. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 15.01.2018).

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Standard-Europabarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2130> (дата обращения: 17.01.2018).

Долгое время национальная идентичность Соединённого Королевства конструировалась на базе имперских представлений: население страны ощущало себя не только частью своего государства, но и важнейшим элементом Британской империи. После Второй мировой войны в условиях процессов деколонизации наметился кризис имперской идентичности. Несмотря на попытки британского руководства трансформировать империю в Содружество наций, расставание с колониальными владениями было длительным и сложным процессом. В 1950-е гг. Великобритания, всё ещё мыслившая глобальными категориями, отказалась вступить в переговоры о присоединении к европейской интеграции ввиду категорического неприятия идеи передачи части государственного суверенитета на наднациональный уровень и нежеланием замыкаться на европейских делах.

В 1962 г. Д. Ачесон, к тому времени бывший госсекретарь США, заявил: «Великобритания потеряла империю, но так и не нашла своей роли в мире»⁵⁷. За год до этого, в 1961 г., британское руководство во главе с премьер-министром Г. Макмилланом приняло решение подать заявку на вступление в Европейские сообщества. Однако эта и следующая заявки были отклонены из-за вето, наложенного президентом Франции Ш. де Голлем. Анализ первых попыток Британии вступить в Европейские сообщества демонстрирует, что и сама страна не была готова жертвовать ни частью своего суверенитета, ни экономическими преференциями с бывшими колониями. Тем временем на фоне ускоренных темпов деколонизации в 1960-е гг. в Великобритании продолжал углубляться кризис имперской идентичности.

В 1973 г. Великобритания стала полноправным членом наднациональных структур, хотя «Единая Европа» по определению не могла стать адекватной заменой империи с её глобальными возможностями. Не случайно с самого начала пребывания в интеграционном объединении национальная идентичность Британии стала укрепляться не как компонента, а как противовес общеевропейскому самосознанию. Углублению противоречий способствовал выход в актуальную повестку внешней политики Британии миграционной проблематики и широкое распространение евроскептических настроений.

Евроскептицизм, зародившийся в Британии в 1950-е гг. как реакция на наднациональную модель интеграции, стал базовым элементом британского национального и общеевропейского самосознания. В широком значении термин «евроскептицизм» подразумевает критическое отношение к институтам и деятельности ЕС. Евроскептики считают, что углубление интеграции ведёт к утрате национальной идентичности и государственного суверенитета при одновременном укреплении неэффективных бюрократических структур ЕС.

Как показали итоги референдума 23 июня 2016 г., евроскептические настроения распространены в основном в Англии и Уэльсе, между тем как в Шотлан-

⁵⁷ Britain has spent 50 years hunting in vain for its role. Change the question. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/jul/14/britain-world-role-foreign-policy> (дата обращения: 28.02.2018).

дии и Северной Ирландии больше сторонников евроинтеграции⁵⁸. В сущности, само понятие «британскость» носит весьма условный характер. В стране ярко выражена региональная идентичность, внутри которой также наблюдаются сложные идентификационные процессы. Анализируя британскую идентичность на примере отдельных регионов, Д.Н. Караваева поставила под вопрос существование единой региональной идентичности и пришла к выводу о том, что можно вести речь «о множестве североанглийских идентичностей» [5, с. 264].

На традиционную национальную и региональную идентичность – восприятие англичанами, шотландцами, ирландцами и валлийцами самих себя и себя как британцев или как жителей бывшей *Rex Britannica* – уже более полувека накладываются новые измерения, связанные с мигрантами. В 1950-е гг. Великобритания превратилась из страны эмиграции в страну иммиграции. Поэтому исследователи склонны описывать «британскость» как нечёткое понятие, которое применяется к разным типам национальной идентичности [18].

До референдума в мае 2016 г. иммиграция занимала первое место среди наиболее значимых для населения Британии проблем – 38%, за ней следовали Национальная служба здравоохранения (33%), Европейский союз (28%), экономика (23%) и образование (18%)⁵⁹. После референдума, в октябре того же года, миграция вызывала тревогу уже 42% населения Туманного Альбиона⁶⁰. Симптоматично, что чувство национальной идентичности сильнее всего фиксируется у той части населения, которая в максимальной степени обеспокоена последствиями иммиграции и свободного передвижения людей внутри ЕС⁶¹.

Мобильность без границ воспринимается населением Британии двояко: наплыв иммигрантов из бедных стран ЦВЕ не приветствуется, в то время как возможность свободно получить работу в других странах ЕС 76% британцев в 2014 г. назвали «очень важной» (для сравнения, в 1997 г. – 67%)⁶². Отношение населения к базовому принципу интеграции – свободному перемещению людей, товаров, капиталов и услуг – остаётся на стабильно низком уровне: по данным Евробарометра, весной 2016 г. только 44% населения обозначило этот пункт как наиболее позитивный результат деятельности ЕС⁶³.

В последние годы на проблему свободного передвижения людей внутри ЕС наслонился кризис беженцев. В июне 2016 г. недовольство населения миграцион-

⁵⁸ Brexit: All you need to know about the UK leaving the EU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887> (дата обращения: 23.01.2018).

⁵⁹ A month away from the EU referendum, concern about the EU remains in third place. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3736/Economist-Ipsos-MORI-May-2016-Issues-Index.aspx> (дата обращения: 03.11.2017).

⁶⁰ New global poll finds Britons most worried about immigration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3791/New-global-poll-finds-Britons-most-worried-about-immigration.aspx> (дата обращения: 10.01.2018).

⁶¹ Britain and Europe: Are We all Eurosceptics now? British Social Attitudes 32. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/38975/bsa32_eu.pdf (дата обращения: 11.02.2018).

⁶² Ibid.

⁶³ Standard Eurobarometer 85 [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf) P.9. (дата обращения: 12.01.2017).

ной политикой Евросоюза отмечалось не только в Соединённом Королевстве, но также в других странах ЕС. Подавляющее большинство жителей Евросоюза не одобрили меры, которыми Брюссель отреагировал на беспрецедентный со времён Второй мировой войны наплыв беженцев. Выше всего процент недовольных среди греков (94%), шведов (88%) и итальянцев (77%). Наибольшее одобрение решений Брюсселя по преодолению миграционного кризиса было зафиксировано в Нидерландах, но и в этой стране поддержка составила только 31%. Борьба с экономическими трудностями стала ещё одним источником недовольства населения. Около 92% греков считали, как ЕС неудовлетворительно справляется с продолжающимся экономическим кризисом, также как 68% итальянцев, 66% французов, 65% испанцев, 59% шведов и 55% британцев. Среди тех, кто одобрил экономическую политику Брюсселя – Польша и Германия (47%)⁶⁴.

Итоги британского референдума оказали на евроскептиков отрезвляющее действие. В марте 2017 г. вице-президент Европейской комиссии Ю. Катайнен в интервью газете «Гардиан» заявил о том, что «возрастающий евроскептицизм ... представляет собой экзистенциальную угрозу для ЕС, однако решение Великобритании покинуть страну остановило некоторых политических лидеров от продолжения нападков на блок»⁶⁵.

Хотя следовать британскому выбору ни одна из стран Евросоюза не торопится, евроскептицизм всё ещё популярен, особенно в условиях нестабильности традиционных партийно-политических систем. Исследование, проведённое в марте–апреле 2017 г. американской неправительственной организацией Pew Research Center во Франции, Германии, Греции, Венгрии, Италии, Нидерландах, Польше, Испании и Швеции, показало, что подавляющая часть населения указанных стран приветствуют идею провести референдум о членстве своей страны в ЕС. Однако численность сторонников выхода своего государства из Евросоюза незначительна: 13% в Испании, 22% во Франции, 36% в Греции (самый высокий уровень)⁶⁶. Этот вывод подтвердили исследования, проведённые экспертами лондонского Кингс колледж в 2015 г. и 2017 г.⁶⁷. Эксперты пришли к выводу о том, что кризис еврозоны, миграционный кризис и Брекзит по-разному сказались на евроскептицизме европейских политиков⁶⁸.

Референдум об участии в Евросоюзе подтвердил, что британское общество расколото наполовину: перевес голосов сторонников Брекзита был минимален – 51,9% против 48,1%. Такая незначительная разница делает выход страны из Ев-

⁶⁴ Euroscepticism beyond Brexit. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/06/07/euroscepticism-beyond-brexit/> (дата обращения: 22.12.2017).

⁶⁵ Rising Euroscepticism "poses existential threat to EU". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/03/brexit-has-put-other-leaders-off-wanting-to-leave-says-ec-vice-president> (дата обращения: 05.01.2018).

⁶⁶ Post-Brexit, Europeans More Favourable Toward EU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/06/15/post-brexit-europeans-more-favorable-toward-eu/> (дата обращения: 18.01.2018).

⁶⁷ How has Brexit effected party euroscepticism across Europe? [Электронный ресурс]. URL: <http://ukandeu.ac.uk/how-has-brexit-effected-party-euroscepticism-across-europe/> (дата обращения: 13.01.2018).

⁶⁸ Ibid.

ропейского союза не вполне убедительным, поскольку для половины населения страны европейская идентичность остаётся частью национального самосознания. В этих условиях вновь уместна характеристика Д. Ачесона. Великобритании предстоит не только приспособиться к постэсовским реалиям в торгово-экономической, политической, социальной, миграционной сферах, но и заново переосмыслить свою роль и своё место в мире.

Польша и Венгрия. Отдельного рассмотрения заслуживает отношение граждан некоторых стран ЦВЕ к своей национальной и европейской идентичности. В настоящее время эти государства столкнулись с рядом серьёзных экономических, политических и социальных вызовов. Кроме того, для них по-прежнему характерны недостаток демократического опыта, слабость гражданского общества и желание видеть во главе государства сильного лидера, что зачастую обуславливает специфику формирования национальной идентичности [16]. Однако это не значит, что актуальные особенности политического развития стран ЦВЕ представляют собой исключительное явление в Евросоюзе. Например, в своём отказе жертвовать суверенностью во имя идей мультикультурализма Венгрия похожа на Великобританию.

Национальная идентичность **Венгрии** закладывалась в условиях распада Австро-Венгерской империи. У венгров сформировалась историческая память об особом положении своей территории в Европе на протяжении многих сотен лет, когда страна была важным участником политических и экономических процессов. Последствия Трианонского договора (1921 г.), по условиям которого Венгрия лишилась 72% территории и 64% населения, заронили в национальное сознание идеи реваншизма и ирредентизма, подтолкнув страну к вступлению во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии. Поражение в войне и последующее вхождение в состав социалистического блока также сохранили в национальном самосознании ощущение, что Венгрия переместилась на обочину европейской политики. Поэтому для большинства жителей страны вступление в Евросоюз ассоциировалось с возвращением страны на подобающее место в европейской и мировой политике. Общество тем охотнее включилось в процесс европейской интеграции, что вступление в ЕС открывало доступ к новым благам⁶⁹.

Во время перехода страны «на новые рельсы» Венгрия показала значительные успехи в проведении административных реформ и децентрализации власти внутри страны. В обществе усилилось чувство значимости в связи с возможностью оказывать влияние на европейскую политику; был провозглашён тезис о гармоничном сосуществовании двух идентичностей – венгерской и европейской⁷⁰.

⁶⁹ European Commission: Survey of national identity and deep-seated attitudes towards European integration in the Ten Applicant Countries of Central and Eastern Europe // Working paper, 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pedz.uni-mannheim.de/daten/edz-mr/pbs/00/survey_of_national_identity.pdf (дата обращения: 13.02.2018).

⁷⁰ Ibid.

Позитивное отношение венгров к вступлению в Европейский союз наглядно демонстрировали результаты ежегодных социологических опросов Еврокомиссии. По данным за 2004 г., 45% респондентов восприняли вступление в ЕС позитивно и только 15% – негативно. С бóльшим энтузиазмом к вступлению в Евросоюз отнеслись только жители Словакии (46% и 9% соответственно), тогда как в ЕС–15 средний результат был равен 48% и 17% соответственно. 58% венгров ожидали, что членство в Европейском союзе принесёт Венгрии ощутимую пользу, причём особенно ценным достижением 56% участников опроса назвали возможность свободного передвижения в рамках ЕС⁷¹.

Эта оптимистичная картина несколько потускнела после того, как Венгрия столкнулась сначала с негативными явлениями в своей внутренней политике (2006 г.), а затем испытала на себе последствия мирового финансового кризиса (2008 г.). После победы социалистов на парламентских выборах бывший премьер-министр страны Ф. Дьюрчань признался, что Венгерская социалистическая партия в ходе предвыборной борьбы оперировала заведомо ложными статистическими данными по экономике. Наряду с обвинениями Ф. Дьюрчана в финансовых махинациях и отмывании денег это сообщение вызвало в стране серьезное возмущение во всех слоях общества. Наметился рост недоверия к государственным институтам власти со стороны населения, позитивное отношение венгров к ЕС заметно ослабло (только 31% венгров оценили участие в ЕС как «положительное»)⁷².

Отношение венгров к Европейскому союзу стало меняться в положительную сторону после кризиса 2008 г. В 2009 г. к членству в союзе положительно относились 34%, в 2010 г. – уже 38%. В дальнейшем позитивное отношение к участию в евроинтеграции окрепло⁷³, тогда как демократические преобразования национального правительства воспринимались всё критичнее: в 2010 г. лишь 35% респондентов положительно оценивали внутреннюю политику. Тем самым обнажилась ключевая проблема соотношения европейской и национальной идентичности. В последние годы конфликтность между двумя типами самосознания нарастает, однако последствия этой конфликтности наблюдаются в первую очередь на политической арене и практически не подтверждаются данными, предоставляемыми институтами Европейского союза. Речь идёт о том, что рост недоверия к национальным институтам власти не отражается на росте доверия к европейским наднациональным институтам и общему желанию большинства венгров к нахождению в составе Союза.

С началом европейского миграционного кризиса (2010 г.) Венгрия, подобно Италии, Хорватии и Греции превратилась в одну из «остановок» на пути бе-

⁷¹ Standart-Europabarometer 47. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1413> (дата обращения: 23.01.2018).

⁷² Standart-Europabarometer 70. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/832> (дата обращения: 16.01.2018).

⁷³ Standart-Europabarometer 75. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/1019> (дата обращения: 10.02.2018).

женцев в Германию, Данию и Швецию. Принятие нового регламента Дублинских соглашений в 2013 г. осложнило регуляцию миграционных потоков. Согласно новому регламенту, иммигранты должны были подавать заявление на предоставление убежища в той стране, где они пересекли границу ЕС. Перед Венгрией встала острейшая проблема нелегальной миграции: беженцы игнорировали требование о подаче заявления на предоставление убежища в Венгрии. Минувя пограничный контроль, они переходили на нелегальное положение и либо оседали в Венгрии, либо перебирались в другие европейские страны. Ситуация осложнялась увеличением численности мигрантов: по данным венгерских властей, в 2015 г. венгерскую границу нелегально пересекли почти 400 тыс. чел. – в десять раз больше, чем годом ранее. Более 170 тыс. чел. подали прошения о предоставлении убежища, однако большинство использовали период рассмотрения документов для упрощения переезда в Германию, Австрию, Швецию и другие европейские страны⁷⁴. Согласно данным Евростата, в 2015 г. Венгрия приняла больше прошений о предоставлении убежища, чем любое другое государство ЕС [24, p. 11]. Отсутствие опыта по регуляции больших миграционных потоков, а также навыков коммуникации с массами иммигрантов стали для венгерского правительства настоящим шоком. В сложившихся условиях руководство страны прибегло к активной антииммиграционной риторике, пообещав возвести стену против тех, «кто крадёт работу у коренного населения», «живёт за счёт государственных пособий и не хочет трудиться на благо Венгрии»⁷⁵.

На протяжении последних лет правительство В. Орбана активно оппонирует политике Брюсселя в вопросах миграции и открытых границ. Осенью 2017 г. премьер-министр вновь провозгласил Венгрию «страной не для иммигрантов», которая «будет бороться и отстаивать свою безопасность, ценностный, культурный, религиозный и жизненный уклад и идентичность»⁷⁶.

Данные ежегодных социологических опросов наглядно демонстрируют поляризацию мнений в венгерском обществе. Несмотря на проблемы во внешней и внутренней политике, а также экономике, чувство единения венгерских граждан с Евросоюзом неуклонно росло: накануне миграционного кризиса около 60% жителей страны называли себя гражданами ЕС. На пике кризиса, в 2015–2016 гг., количество «европейцев» среди опрошенных увеличилось на 15%, а в 2017 г. на вопрос «Чувствуете ли Вы себя гражданином ЕС?» утвердительно ответили 76% респондентов⁷⁷.

Таким образом, можно говорить о разделении восприятия национальной и европейской идентичности на два «лагеря». Политическая элита страны актив-

⁷⁴ Internationale und nationale Perspektiven aus der Arbeit der Konrad-Adenauer-Stiftung. Flucht und Migration als Herausforderung für Europa. Berlin, 2016. S. 24.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Orbán: Die EU braucht Ungarn als Nichteinwanderungsland. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Orban-Die-EU-braucht-Ungarn-als-Nichteinwanderungsland-3835873.html> (дата обращения: 04.02.2018).

⁷⁷ Standart-Eurobarometer 88. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (дата обращения: 02.02.2018).

но выступает за сохранение национальной венгерской идентичности, тогда как граждане всё сильнее ощущают свою связь с ЕС и с готовностью называют себя «европейцами». Результаты опросов 2016–2017 гг. показывают, что респонденты обеспокоены не столько внешними, сколько внутренними проблемами – борьбой с коррупцией, политическим и экономическим кризисом, а также состоянием здравоохранения, что вызывает вопросы к национальному правительству и затрудняет для элиты задачу укрепления коллективного самосознания страны и попытках «играть» на этих вопросах в свою пользу.

Национальная идентичность Польши находится в стадии формирования. Польша вступила в Евросоюз в 2004 г., а приверженность европейским ценностям и желание войти в объединение активно демонстрировала с окончанием холодной войны. Симптоматично, что после падения коммунистического режима термину «присоединение к Европе» поляки предпочитали «воссоединение». Политические элиты Польши, равно как и других стран ЦВЕ, декларировали, что ЕС несёт историческую ответственность за воссоединение Европы, символом которого считалось расширение Евросоюза [31, р. 38].

Две ключевые установки образуют основу современной внешнеполитической идентичности Республики Польша. Варшава стремится быть частью Запада и не допустить превращения собственной территории в буферную зону между Россией и ЕС и по-прежнему придерживается русофобских взглядов, на основе которых происходит укрепление приверженности ЕС.

Заметное влияние на европейскую идентичность Польши оказывает сегодня миграционный фактор. Польское правительство выступает против квот на беженцев, утверждая, что они «изменяют национальный характер страны», и настаивая на том, что есть польская нация и другие этнические группы не могут стать её частью. Подобные заявления создают в Брюсселе впечатление, что «Польша отклоняется от идеологии ЕС»⁷⁸.

В 2015 г. с утверждением, что мигранты вносят большой вклад в развитие их страны, 26% поляков соглашались, а 59% – нет⁷⁹. Весной 2016 г. на вопрос «Ваша страна должна помочь беженцам?» 49% (осенью 2015 г. – 50%) респондентов ответили положительно, в то время как 40% (осенью 2015 г. 36%)⁸⁰ – отрицательно. Варшава скептически относится к Единой миграционной политике ЕС. В марте 2017 г. Европейская комиссия подвергла критике Польшу, Венгрию и некоторые другие страны за то, что они не выполнили данное в 2015 г. обещание разместить у себя тысячи беженцев, и те до сих пор находятся в лагерях в Италии и Греции⁸¹.

⁷⁸ Polland Challenges the European Identity. [Электронный ресурс]. URL: <https://geopoliticalfutures.com/poland-challenges-european-identity/> (дата обращения: 12.01.2018).

⁷⁹ Standard Eurobarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf). (дата обращения 12.01.2018).

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Rising Euroscepticism “poses existential threat to EU”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/03/brexit-has-put-other-leaders-off-wanting-to-leave-says-ec-vice-president> (дата обращения: 05.01.2018).

При этом Польская Республика остаётся последовательным сторонником свободной мобильности внутри Евросоюза. Осенью 2015 г. и весной 2016 г. 62% опрошенных поддержали свободное движение людей, товаров и услуг – самый высокий показатель среди других характеристик ЕС⁸². Такая поддержка легко объяснима. После вступления в ЕС многие поляки устремились на запад в поисках лучшей жизни. В широкий обиход прочно вошло выражение «польский сантехник» как образ дешёвой рабочей силы из Восточной Европы в «старых» благополучных государствах ЕС. Поляки активно путешествуют, учатся в других европейских странах, участвуют в программах обмена и пользуются иными возможностями открытых границ.

В 2007–2013 гг. из фондов развития ЕС республика Польша получила 47 млрд евро на строительство дорог, спортивных объектов, школ и дошкольных учреждений и других объектов социального и инфраструктурного назначения⁸³. В бюджете ЕС на 2014–2020 гг. на Польшу заложено 106 млрд евро, не считая субсидий польским фермерам в рамках Общей сельскохозяйственной политики ЕС⁸⁴. Однако на другой чаше весов – высокая безработица (14% экономически активного населения) и продолжающаяся эмиграция поляков в «старую» Европу. По оценкам, страну покинули более 2 млн человек; самая большая польская диаспора сформировалась в Великобритании численностью около 1 млн чел.⁸⁵ В то же время наблюдается увеличение потока рабочей силы из Украины в Польшу – в 2017 г. 1 млн украинцев легально работали в Польше⁸⁶.

В целом за период пребывания Польши в ЕС её население демонстрировало устойчивую приверженность базовым ценностям Союза. Европейцами считали себя 65% поляков в 2006 г. и 76 % в 2009 г.⁸⁷ Даже в 2015 г., в условиях массового наплыва беженцев и возникновения трений с Брюсселем по вопросу обязательных квот на приём мигрантов, 62% населения Польши отнесли себя к гражданам ЕС⁸⁸. Это один из самых высоких показателей – после Венгрии, Румынии и Италии.

Причина такой устойчивости, как представляется, во многом связана с тем, что в Польше, равно как и в некоторых странах ЦВЕ, не завершилось формиро-

⁸² Standard Eurobarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf) P. 9. (дата обращения: 16.01.2018).

⁸³ European Cohesion Policy 2007-2013 in Poland: Priorities and Impact of Cohesion Policy in the Member States [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/factsheets/2009/european-cohesion-policy-2007-2013-in-poland-priorities-and-impact-of-cohesion-policy-in-the-member-states (дата обращения 27.02.2018).

⁸⁴ Poland to get nearly EUR 106 bln from 2014-2020 EU budget pool – expected impact on the Polish economy, chances and challenges. [Электронный ресурс]. URL: <https://msp.gov.pl/en/polish-economy/economic-news/4015,Poland-to-get-nearly-EUR-106-bln-from-2014-2020-EU-budget-pool-expected-impact-o.html> (дата обращения 25.01.2018).

⁸⁵ Polish population of the United Kingdom. 15 July 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7660/CBP-7660.pdf> (дата обращения 22.02.2018).

⁸⁶ Some 1 million Ukrainians now work legally in Poland. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kyivpost.com/ukraine-politics/1-million-ukrainians-now-work-legally-poland.html> (дата обращения 17.02.2018).

⁸⁷ Eurobarometer 71. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (дата обращения 10.01.2018).

⁸⁸ Residency and Free Movement. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/justice/citizen/document/files/2016-flash-eurobarometer-430-citizenship_en.pdf (дата обращения 08.01.2018).

вание собственно национальной идентичности. Продолжается рефлексия постсоветского опыта и поиск самих себя и своего места в мире. Европейский союз на сегодняшний день объективно представляет для стран ЦВЕ единственную опору, на которой можно укреплять национальную идентичность как составную часть общеевропейского самосознания. Согласно опросам, проведённым весной 2016 г., 37% опрошенных идентифицировали себя только со своей страной, в то время как «полностью европейцами» ощущали себя 61% населения⁸⁹.

На политическом уровне Польша прилагает активные усилия для упрочнения своих позиций и пытается стать региональным лидером, с которым будут считаться в Брюсселе при принятии решений. Эти попытки к настоящему времени не увенчались успехом, во многом по причине политической неустойчивости в самой Польше⁹⁰. В любом случае, амбивалентный характер отношения Будапешта и Варшавы к миграционной политике и принципу открытых границ ЕС наряду с задачами по укреплению национального самосознания усложняет конструкцию европейской идентичности для двух государств. В этих условиях нельзя исключать, что в средне- и долгосрочной перспективе Брюсселю придётся переосмыслить концепцию границ как ключевого элемента общеевропейского самосознания в сторону ужесточения контроля на внешних и отчасти на внутренних границах.

Принцип свободного движения людей, товаров, услуг и капиталов мыслится основателями европейского интеграции в её наднациональном формате как один из базовых принципов и ключевой элемент европейской идентичности. Этот тезис зафиксирован в документах ЕС, но как показано в статье, с практикой на сегодняшний день он не слишком соотносится. Проведённое исследование показывает, что важность открытых внутренних границ и возможность свободной мобильности в целом не подвергается сомнению населением и властными структурами Союза, за исключением кризисных моментов, связанных с обострением миграционного вопроса и угрозами новых террористических атак. Более того, анализ привлечённых материалов свидетельствует о том, что население отдельных стран, таких как Великобритания, Польша, Венгрия и других – приветствует свободную мобильность по территории ЕС для себя и граждан своего государства и с неприятием относится к облегчённым возможностям въезда и передвижения для мигрантов.

В настоящее время, несмотря на значительный спад потока беженцев – в первой половине 2017 г. в Европу въехало 105 тыс. беженцев и мигрантов⁹¹ – миграционная проблема продолжает оказывать влияние на общую повестку дня ЕС. Меры по возвращению беженцев на родину и выделение дополнительной

⁸⁹ Standard Eurobarometer 85. [Электронный ресурс]. URL: [https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20\(2\).pdf](https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/75905/eb85_citizen_en%20(2).pdf). P. 22 (дата обращения: 24.01.2018).

⁹⁰ Poland Challenges the European Identity. [Электронный ресурс]. URL: <https://geopoliticalfutures.com/poland-challenges-european-identity/> (дата обращения: 15.01.2018).

⁹¹ Europe Situation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unhcr.org/europe-emergency.html> (дата обращения: 14.02.2018).

финансовой помощи государствам Африки и Ближнего Востока для снижения эмиграции из этих стран наряду с укреплением внешних границ носят лишь временный характер. Не случайно критики такого подхода язвительно замечают, что Европа пытается не решить проблему, а лишь «экспортировать» её за свои границы⁹². На этом фоне неприятия иммигрантов будет усиливаться скепсис населения в отношении свободных границ, учитывая выявленную на основе анализа материалов разных опросов общественного мнения тенденцию к ограничению свободного передвижения людей.

Кроме беженцев, внимание Брюсселя продолжают привлекать вопросы выработки новой модели интеграции иностранцев взамен несостоявшейся концепции мультикультурализма, задачи минимизации угрозы исламского фундаментализма и поиска адекватного ответа на угрозы терроризма. Неприятие многими европейцами мигрантов, ярким проявлением чего стало строительство в странах ЦВЕ заграждений вдоль границ в пиковый период притока беженцев, свидетельствует о том, что «единая Европа» не готова быть подлинно открытой.

В настоящее время наблюдается если не физическое закрытие границ, которое нельзя исключать в случае повторного «нашествия» беженцев или других категорий мигрантов, то очевидное возведение символических границ ментально-психологического свойства. Стремление «отгородиться» происходит на фоне укрепления национального самосознания и ослабления солидарности и единства населения с Евросоюзом. Такие процессы происходят не только в покидающей Евросоюз Британии, но также во Франции, Германии и других странах. Происходящие процессы обострения дихотомии «свой – чужой» не позволяют говорить о сформированной идентичности ЕС. Таким образом, Евросоюз стоит перед задачей пересмотра самой концептуальной основы общеевропейского самосознания и отдельных элементов в её структуре, например, свободы передвижения. Этот принцип, дополненный в 1980-е гг. Шенгенским механизмом и в 1990-е гг. Пространством свободы, безопасности и правосудия, долгое время воспринимался как некая данность и уже закреплённое достижение.

В реальности Евросоюз не выдерживает испытание временем и всё больше становится заложником острой дилеммы: как следовать прежним идеологическим установкам на «открытые» границы и при этом адекватно реагировать на внешние угрозы, которые требуют «закрытия» границ. Становится очевидно, что нельзя одновременно следовать идеалам мультикультурализма и адекватно обеспечивать внутреннюю безопасность. От решения этой дилеммы зависит будущее общеевропейской идентичности и повышения уровня единства и солидарности, о которых как об условии успеха всего европейского проекта говорил в сентябре 2015 г. председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер.

⁹² How Europe Exported its refugee crisis to north Africa [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/30/how-europe-exported-its-refugee-crisis-to-north-africa> (дата обращения: 02.02.2018).

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949–1982 // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 33–60.
3. Благова Ю.А. Проблемы национальной самоидентификации в объединённой Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 25 (658). С. 9–22.
4. Васильев В.И. Австрийская идентичность и европейская интеграция // Обозреватель–Observer. 2013. №12. С. 98–115.
5. Караваева Д.Н. Английская идентичность и её дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 344 с.
6. Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности / под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 11–73.
7. Коротецкая Л.В. Особенности интеллектуального патриотического дискурса в Германии 1990-х годов // Полис. 2012. № 1. С. 92–99.
8. Лёзина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 162–178.
9. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практика. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
10. Соколова Т. Политика интеграции иммигрантов: ассимиляционный подход // Власть. 2009. № 11. С. 121–123.
11. Сосницкая О. Германия: что общего у интеграции и «культуры титульной нации»? // Deutsche Welle. 30.12.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/германия-что-общего-у-интеграции-и-культуры-титульной-нации/a-5069256> (дата обращения: 20.02.2018).
12. Филлипова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформатех», 2010. 300 с.
13. Хабермас Ю. Границы неохисторизма. Беседа с Жаном-Марком Ферри // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Издательская и консалтинговая группа «ПРАКСИС», 2003. 368 с.
14. Alund A., Schirup C.-U. Paradoxes of Multiculturalism: Essays on Swedish society. Aldershot: Avebury, 1991. 192 p.
15. Alund A., Schirup C.-U. The thorny road to Europe: Swedish immigrant policy in transition. In: Wrench J., Sollors. J. Racism and migration in Western Europe. Oxford, Berg Baldwin-Edwards, 1993. Pp. 199–211.
16. Balázs M. A Game of Values: Particular National Identities Awaken in Europe // Verfassungsblog 2016. URL: <https://verfassungsblog.de/a-game-of-values-particular-national-identities-awaken-in-europe/> (дата обращения: 28.01.2018).
17. Bauer W.T. Zwei Staaten, zwei Nationen – und jede Menge Identitäten. Nationales Selbstverständnis und Umgang mit gesellschaftlicher Vielfalt in Deutschland und Österreich. Gütersloh, Bertelsmann Stiftung, 2016. 96 S.
18. Cohen R. Frontiers of Identity: the British and Others, L., N.Y., Longman, 1994. 227 p.
19. Graubard S.R. Norden: The Passion for Equality (Scandinavian Library). Oslo, Norwegian University Press, 1986. 323 p.
20. Identität & Österreichbewusstsein. Aktuelles zu Migration und Integration. Wien, Fonds zur Integration von Flüchtlingen und MigrantInnen (ÖIF), 2014. 5 S.
21. Ignazi P. Extreme right-wing parties in Western Europe. Oxford, Oxford University Press, 2003. 297 p.
22. Internationale und nationale Perspektiven aus der Arbeit der Konrad-Adenauer-Stiftung. Flucht und Migration als Herausforderung für Europa. Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., 2016. 104 S.
23. Jarauschkonrad H. Normalisierung oder Re-Nationalisierung? Zur Umdeutung der deutschen Vergangenheit. // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft, 1995, N. 21, H. 4, S. 571–584.
24. Juhász A., Hunyadi B., Zgut E. Focus on Hungary: Refugees, asylum and migration // Heinrich Böll-Stiftung. Praha, Heinrich-Böll-Stiftung, 2015. 25 p.
25. Kettani H. Muslim Population in Europe: 1950–2020 // International Journal of Environmental Science and Development. 2010. Vol. 1. No. 2. June. URL: <http://www.ijesd.org/papers/29-D438.pdf> (дата обращения: 14.02.2018).
26. Kreissler F. Der Österreicher und seine Nation. Ein Lernprozess mit Hindernissen. Wien, Boehlau Verlag, 1984. 773 S.
27. Lönnæus O. I valkampen blir alla folkhemskramare. URL: <https://www.sydsvenskan.se/2009->

- 09-19/i-valkampen-blir-alla-folkhemskramare (дата обращения: 26.01.2018).
28. Pettersson T., Esmer Y.R. Changing Values, Persisting Cultures: Case Studies in Value Change, European Values Studies v. 12. Boston: Brill, 2008. 20 p.
29. Sunjic M., Volf P. Echte Österreicher. Gespräche mit Menschen, die als Flüchtlinge ins Land gekommen sind. Wien, Picus, 1995. 190 S.
30. Tributsch S., Ulram P. Kleine Nation mit Eigen-schaften. Über das Verhältnis der Österreicher zu sich selbst und zu ihren Nachbarn. Wien, Molden Wien/BRO, 2004. 176 S.
31. Trzeciak S. Poland's EU Accession. L., N.Y., Routledge Taylor & Francis Group, 2012. 216 p.

Об авторах:

Елена Владимировна Хахалкина – д.и.н., профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Исторический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Константин Павлович Андреев – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Исторический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru.

Галина Васильевна Грошева – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, Историко-филологический факультет, Томский государственный педагогический университет. 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60. E-mail: groshevagv@mail.ru.

Игорь Александрович Кочев – старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Исторический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: igor-kochev@yahoo.com.

Статья подготовлена в рамках работ по гранту Президента РФ «Национальная идентичность в условиях открытых границ ЕС (на примере отдельных стран Евросоюза)» на 2018-2019 гг. (МД-4122.2018.6).

OPEN BORDERS OF THE EUROPEAN UNION: NATIONAL AND EUROPEAN IDENTITY ON THE EXAMPLE OF CERTAIN EU MEMBER-STATES

E.V. Khakhalkina, K.P. Andreev, G.V. Grosheva, I.A. Kochev
DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-63-98

National Research Tomsk State University
Tomsk State Pedagogical University

During the acute phase of the migration crisis (2014–2015) in a large number of European Union states, policies restricting internal borders and the strengthening of external borders took place, which raised serious questions about the future of the European Union's borders. Ever since the emergence of supranational structures, freedom of movement, capital, goods, services and labor has all been the principal focus points of the EU countries cooperation. The uncertain nature and complexity regarding migration issues, strengthening of Eurosceptic sentiments in certain EU countries, the commitment to population in certain member states, the EU's future and its main achievements (including such issues as freedom of borders, which is still under threat of illegal migration and criminal-terrorist elements) remain a big question.

The authors of the article aim to evaluate the current state and threats to open borders of the European Union using analysis of common European identity. One of its elements includes the population's attitude to issues such as the mobility and freedom of borders and their relation with national identity on the example of different EU countries, which consistently support and/or criticize the existing supranational model.

In the first part of the article, the author discuss' the main causes for why the EU borders at present have grown so important. Also, their correlation to the task of strengthening solidarity and trust throughout the EU, by overcoming a common European identity crisis.

In the second part of the article the process of forming a common European identity and the reflection of this concept in the basic documents of the EU are presented retrospectively. In the third part the place of migration and its relation to the problem of borders in national and European identities through the example of EU member-states is illustrated by the example of countries whose population is both European oriented and by Eurosceptic states. In the final section conclusions are drawn regarding the importance of «open borders» for the EU in medium and long term outlook.

Key words: borders, the European Union, national identity, common European identity, Great Britain, Germany, France, Austria, Poland, Hungary, Sweden

References

1. Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaia politika* [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p. (In Russian).
2. Berger Sh. *Istoricheskaia politika i natsional-sotsialisticheskoe proshloe Germanii, 1949–1982* [Historical politics and the national socialist past of Germany, 1949–1982]. *Istoricheskaia politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. Pp. 33–60. (In Russian).
3. Blagova Iu.A. *Problemy natsional'noi samoidentifikatsii v ob'edinennoi Germanii* [Problems of national self-identification in united Germany]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 25 (658), pp. 9–22. (In Russian).
4. Vasilev V.I. *Avstriiskaia identichnost' i evropeiskaia integratsiia* [Austrian identity and European integration]. *Obozrevatel'–Observer*, 2013, no. 12, pp. 98–115. (In Russian).
5. Karavaeva D.N. *Angliiskaia identichnost' i ee diskurs: Britaniia – Angliia – Severnaia Angliia* [English identity and its discourse: Britain - England - Northern England]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2016. 344 p. (In Russian).
6. Kauganov E.L. *Diskurs natsional'noi identichnosti v poslevoennoi Germanii* [Discourse of national identity in post-war Germany]. *Ocherki o evropeiskoi identichnosti i mnogokul'turnosti* [Essays on European Identity and Multiculturalism]. Ed. by M. Iu. Martynova. Moscow, IEA RAS Publ., 2013. Pp. 11–73. (In Russian).
7. Korotetskaia L.V. *Osobennosti intellektual'nogo patrioticheskogo diskursa v Germanii 1990-kh godov* [Features of intellectual patriotic discourse in Germany in the 1990s]. *Polis*, 2012, no. 1, pp. 92–99. (In Russian).

8. Lezina E. Pamiat', identichnost', politicheskaia kul'tura i poslevoennaia germanskaia demokratiia [Memory, identity, political culture and post-war German democracy]. *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 6 (57), pp. 162–178. (In Russian).
9. Malakhov V.S. Integratsiia migrantov: kontseptsii i praktika [Integration of migrants: Concepts and practices]. Moscow, Fond «Liberal'naiia Missiia» Publ., 2015. 272 p. (In Russian).
10. Sokolova T. Politika integratsii immigrantov: assimiatsionnyi podkhod [The policy of integration of immigrants: assimilation approach]. *Vlast'*, 2009, no. 11, pp. 121–123. (In Russian).
11. Sosnitskaia O. Germaniia: chto obshchego u integratsii i «kul'tury titul'noi natsii»? [Germany: What is common in integration and “culture of the titular nation”?]. Deutsche Welle. 30.12.2009. [Электронный ресурс]. <http://www.dw.com/ru/германия-что-общего-у-интеграции-и-культуры-титульной-нации/a-5069256> (дата обращения: 20.02.2018).
12. Fillipova E.I. *Territorii identichnosti v sovremennoi Frantsii* [Territories of identity in modern France]. Moscow, FGNU «Rosinformagrotekh», 2010. 300 p. (In Russian).
13. Khabermas Iu. Granitsy neoistorizma. Beseda s Zhanom-Markom Ferri [Borders of Neo-History. Conversation with Jean-Marc Ferry]. Khabermas Iu. *Politicheskie raboty* [Political works]. Moscow, Izdatel'skaia i konsaltingovaia gruppa «PRAKSIS» Publ., 2003. 368 p. (In Russian).
14. Alund A., Schirup C.-U. *Paradoxes of Multiculturalism: Essays on Swedish society*. Aldershot: Avebury Publ., 1991. 192 p.
15. Alund A., Schirup C.-U. The thorny road to Europe: Swedish immigrant policy in transition. Wrench J., Sollors. J. *Racism and migration in Western Europe*. Oxford, Berg Baldwin-Edwards Publ., 1993. Pp. 199–211.
16. Balázs M. *A Game of Values: Particular National Identities Awaken in Europe*. Verfassungsblog 2016. Available at: [https://verfassungsblog.de/a-game-of-values-particular-national-identities-awaken-in-](https://verfassungsblog.de/a-game-of-values-particular-national-identities-awaken-in-europe/)
17. Bauer W.T. Zwei Staaten, zwei Nationen – und jede Menge Identitäten. *Nationales Selbstverständnis und Umgang mit gesellschaftlicher Vielfalt in Deutschland und Österreich*. Gütersloh, Bertelsmann Stiftung, 2016. 96 S.
18. Cohen R. *Frontiers of Identity: the British and Others*. London, New York, Longman Publ., 1994. 227 p.
19. Graubard S.R. *Norden: The Passion for Equality (Scandinavian Library)*. Oslo, Norwegian University Press Publ., 1986. 323 p.
20. Identität & Österreich-bewusstsein. *Aktuelles zu Migration und Integration*. Wien, Fonds zur Integration von Flüchtlingen und MigrantInnen (ÖIF), 2014. 5 S.
21. Ignazi P. *Extreme right-wing parties in Western Europe*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2003. 297 p.
22. *Internationale und nationale Perspektiven aus der Arbeit der Konrad-Adenauer-Stiftung. Flucht und Migration als Herausforderung für Europa*. Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., 2016. 104 S.
23. Jarausch K.H. Normalisierung oder Re-Nationalisierung? Zur Umdeutung der deutschen Vergangenheit. *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*, 1995, N. 21, H. 4, S. 571–584.
24. Juhász A., Hunyadi B., Zgut E. *Focus on Hungary: Refugees, asylum and migration*. Praha, Heinrich-Böll-Stiftung Publ., 2015. 25 p.
25. Kettani H. Muslim Population in Europe: 1950–2020. *International Journal of Environmental Science and Development*, 2010, vol. 1, no. 2. Available at: <http://www.ijesd.org/papers/29-D438.pdf> (accessed: 14.02.2018).
26. Kreissler F. *Der Österreicher und seine Nation. Ein Lernprozess mit Hindernissen*. Wien, Boehlau Verlag, 1984. 773 S.
27. Lönnaeus O. I valkampen blir alla folkhemsframare. Available at: <https://www.sydsvenskan.se/2009-09-19/i-valkampen-blir-alla-folkhemsframare> (accessed: 26.01.2018).
28. Pettersson T., Esmer Y.R. Changing Values, Persisting Cultures: Case Studies in Value Change. *European Values Studies*,

- vol. 12. Boston, Brill Publ., 2008. 20 p.
29. Sunjic M., Volf P. *Echte Österreicher. Gespräche mit Menschen, die als Flüchtlinge ins Land gekommen sind.* Wien, Picus Publ., 1995. 190 S.
30. Tributsch S., Ulram P. *Kleine Nation mit Eigenschaften. Über das Verhältnis der Österreicher zu sich selbst und zu ihren Nachbarn.* Wien, Molden Wien/BRO Publ., 2004. 176 S.
31. Trzeciak S. *Poland's EU Accession.* London, New York, Routledge Taylor & Francis Group Publ., 2012. 216 p.

About the authors:

Konstantin P. Andreev – Post-graduate student, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of History, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru.

Galina V. Grosheva – PhD (History), Associate Professor, Department of General History, Historical and Philological Faculty, Tomsk State Pedagogical University. 634061, Tomsk, ul. Kievskaya, 60. E-mail: groshevagv@mail.ru.

Igor A. Kochev – Senior Lecturer, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of History, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: igor-kochev@yahoo.com.

Elena V. Khakhalkina – Dr. Sc. (History), Professor, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of History, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

The article is prepared within the framework of works on the grant of the President of the Russian Federation «National identity in the conditions of EU open borders (on the example of individual EU countries)» for 2018-2019. (MD-4122.2018.6).